

Введение

Культурное наследие народов Кавказа является едва ли не главным предметом кавказоведческих исследований за весь период существования этого регионального направления этнографии. Исследования культуры кавказских народов проводились в широких предметно-тематических рамках, охватывающих хозяйственную, жизнеобеспечивающую, соционормативную и гуманитарную сферы, в рамках которых накоплена весьма богатая историографическая традиция. Однако все исследовательские усилия были сосредоточены в основном на описании и анализе традиционных форм бытования культурных институтов народов региона. Даже в тех работах, которые хронологически охватывают современный период этнокультурного развития Кавказа, главное внимание уделяется поискам пережиточных культурных форм, демонстрации их «полнокровного» функционирования в сегодняшней действительности, неизменности и исконности этнических традиций. Однако такой подход ограничивает исследовательские возможности. Во-первых, он исключает анализ цивилизационной специфики Кавказского региона, который является связующим звеном между восточноевропейским и западноазиатским цивилизационными ареалами. Во-вторых, он элиминирует последствия модернизационной эволюции, которая была характерна для развития этнических культур Кавказа на протяжении XX столетия. В-третьих, он исключает необходимость изучения глобализационных инвазий, неоднозначное, противоречивое и пока не во всем понятное воздействие которых на современный облик кавказской этнокультуры несомненно.

С другой стороны, нельзя отрицать ригидности многих компонентов культуры народов Кавказа, особенно в соционормативной и гуманитарной сферах. Более того, требуют изучения охранительные и ревитализационные тенденции, которые ныне актуализированы в общественно-политическом сознании и бытовой практике народов региона. Эти тенденции во многом являются следствием негативных

политических процессов, связанных с военными и межэтническими конфликтами, ввергающими социум в экстремальные условия существования, выход из которых зачастую видится в мобилизационных формах этнического развития. Однако именно в этих условиях наблюдаются искажения и деформации культурного наследия, силовое внедрение чужеродных либо атавистических социально-бытовых и нормативных институтов, агрессивное навязывание новых идентичностей. С этой точки зрения культурное наследие народов Кавказа нуждается в охране и поддержке, в создании условий для гармоничного взаимодействия традиционных и новационных черт в культуре и быте народов региона, их пропаганде. А это невозможно без тщательного историко-этнографического изучения социальной действительности.

В теоретической этнографии признано, что традиция является важнейшим видом информационных связей, поддерживающих темпоральное существование этноса, в том числе его культурное наследие как концентрированное выражение традиционности этнического облика социума. В этом контексте в статьях сборника рассмотрены основные механизмы возникновения и угасания цивилизационных пучков ойкумены, факторы развития, сохранности и изменения культурных традиций в условиях трансформирующегося социума, уяснения механизмов эволюции традиций в глобализирующемся мире, выявления роли идеологического фактора в сохранении и актуализации культурного наследия.

Настоящий сборник статей подготовлен в рамках осуществления проекта «Народы Кавказа: этнические традиции в условиях модернизации» по Программе фундаментальных исследований президиума РАН «Традиции и инновации в истории культуры».

В декабре 2011 года ушла из жизни доктор исторических наук, многолетний сотрудник отдела Кавказа Института этнологии и антропологии РАН Я. С. Смирнова (1920–2011). Это огромная потеря для нашей науки, отечественного кавказоведения. Коллектив авторов посвящает свои работы светлой памяти Ярославы Сергеевны.

РАЗДЕЛ ПЕРВЫЙ

ПАМЯТИ
ЯРОСЛАВЫ СЕРГЕЕВНЫ
СМИРНОВОЙ

In Memoriam

Ярослава Сергеевна Смирнова ушла из жизни в декабре 2011 года. Ее уход стал огромной потерей для российской этнографии и отечественного кавказоведения.

Основное дело профессиональной жизни Ярославы Сергеевны пришло к ней почти случайно: поехав не в намечавшуюся экспедицию, а в другую, она впервые побывала на Кавказе, отдав впоследствии все силы изучению культуры и быта народов этого региона, став виднейшим представителем кавказоведческой этнорегионалистики.

Наиболее весомый вклад Ярослава Сергеевна внесла в изучение семьи и семейного быта. Среди специалистов и широкого круга читателей хорошо известны ее многочисленные работы, посвященные генезису исторических форм семейной организации, специфике протекания социокультурных процессов в семейно-бытовой сфере, обрядово-нормативным аспектам семейного быта. При этом важная особенность исследований Ярославы Сергеевны состояла в том, что институт семьи, семейный быт, семейная обрядность, гендер рассматривались ею в самых широких — хронологических, территориальных, конкретно-ситуационных, проблемно-теоретических аспектах, что делает многочисленные труды Ярославы Сергеевны фундаментальной основой этого направления нашей науки. Ее обобщающая монография «Семья и семейный быт народов Кавказа» — одно из самых значительных достижений нашей фамилиологической литературы.

В то же время исследовательские интересы Я. С. Смирновой были широки и многогранны. Признание у специалистов получили ее работы, связанные с изучением общественного быта, соционормативных аспектов этнической культуры, историографии и источниковедения этнографии, антропологии права.

Огромнейшее значение в научной работе Я. С. Смирновой имела экспедиционная деятельность. Ярославе Сергеевне довелось работать практически во всех регионах Северного Кавказа, собрать разнообразный и уникальный материал, характеризующий живое бытование

этнокультурной традиции местных народов. В поле ярко проявились организаторские качества исследователя, способность выстроить экспедиционную стратегию, умение эффективно и доверительно работать с информаторами. Участвуя в экспедициях Я. С. Смирновой, многие наши коллеги прошли школу профессионального мастерства, обрели ценнейшие навыки работы в поле.

Изучая положение кавказской женщины, Ярослава Сергеевна сама была ярким воплощением великого женского начала. Она была ослепительно хороша в молодости, очень ярка и эффектна в зрелые годы, но и в последнее время сохраняла удивительное, обезоруживающее обаяние, которое всегда было неотделимо от замечательных черт ее характера. Ярослава Сергеевна была мягка, деликатна, неизменно приветлива и доброжелательна, ни при каких обстоятельствах не изменяя этим своим человеческим качествам. Для всех у нее в избытке была неисчерпаемая доброта и сердечная душевность. Ярослава Сергеевна обычно даже не подозревала, как — подробно расспросив о делах, о жизни, о домочадцах — могла подбодрить, утешить, разделить печаль, искреннее порадоваться удаче. Это неудивительно. Ярослава Сергеевна принадлежала к слою нашей интеллигенции, который в своем мироощущении еще хранил те основные заповеди, которые, собственно, и были атрибутивной спецификацией этого уже практически исчезнувшего слоя нашего общества. С уходом Ярославы Сергеевны этот слой еще более истончился.

Я. С. Смирнова являлась представителем славной когорты наших старших учителей и коллег, которые влились в работу института вслед за первым поколением его основателей. Оставаясь все эти годы сотрудником ИЭА, Ярослава Сергеевна пользовалась неизменной любовью и уважением всего коллектива. Ее имя навсегда останется широко известным и почитаемым в многонациональном научном сообществе российских кавказоведов.

Вскоре после кончины Ярославы Сергеевны в ее архиве была обнаружена рукопись статьи «Межсемейные связи и надсемейные структуры в общественном быту народов Северного Кавказа». Рукопись оказалась полностью завершенной и, вероятно, предназначалась для публикации, которая, к сожалению, по каким-то причинам не состоялась. Печатая статью в настоящем сборнике, мы с удовлетворением отмечаем, что еще один замечательный научный труд Я. С. Смирновой становится достоянием нашего исследовательского сообщества.

Ярослава Сергеевна Смирнова: «Я поехала на Кавказ... и на Кавказе осталась»

Нашей встрече с Я. С. Смирновой предшествовали довольно длительные переговоры, так как Ярослава Сергеевна долго не соглашалась на интервью. Ей почему-то казалось, что ее воспоминания «не представят никакого интереса», что она мало о чем может вспомнить, так как всегда была углублена либо в работу, либо в житейские обстоятельства, поэтому многое «проходило мимо» и память мало что ей оставила для воспоминаний. Однако за этими явными отговорками чувствовалось иная, более глубокая причина. Мне показалось, что существовал некий психологический барьер, который мешал Ярославе Сергеевне перейти рубеж воспоминаний, мысленно углубиться в прожитые годы, тем более рассказывать о них.

Однако наша встреча все же состоялась. 12 октября 2011 года Ярослава Сергеевна пригласила меня домой, согласившись ответить на мои вопросы. Беседа прошла легко и свободно. Видимо, преодолев мучившие ее сомнения и неуверенность, Ярослава Сергеевна сама оказалась воодушевленной темой разговора, возможностью высказаться, вспомнить начальные годы жизни и профессиональной карьеры. При этом, как и можно было предполагать, несмотря на большую временную дистанцию, память Ярославы Сергеевны удерживала многие интересные детали, подробности и факты, касающиеся времени, науки и людей. Рассказы об этом и составили сюжетную канву нижеследующего текста.

При подготовке материала к печати текст практически не подвергался стилистической правке. Оттого, возможно, в нем чувствуется некоторая шероховатость, отрывочность, «неровность», которые присущи обыденной устной речи — и в этом нам также видится ценность данного нарратива. После нескольких часов беседы стало очевидно, что

о многом еще не сказано. Ярослава Сергеевна была готова продолжить интервью. Попросив выключить диктофон, она сказала: «Об остальном давай поговорим в следующий раз». Следующий раз, увы, не наступил...

Ярослава Сергеевна, Вы видный представитель советской и российской этнологической науки, представитель ведущего поколения отечественных кавказоведов. Ваши труды признанно считаются классикой нашей науки. Однако интересно было бы узнать о ваших ранних годах, о годах детства и юности.

Я родилась на Украине в городе Проскурове. До восьми лет жила в Киеве.

Воспоминания раннего детства отрывочны. Помню день вербного воскресения в Киеве. Бабушка моей подружки взяла нас с собою в церковь. Саму службу не помню в подробностях. В то же время дорога домой по выходе из храма оставила большое впечатление — вся улица казалась лентой из угольков от многочисленных бумажных фонариков со свечами. Вместе с веточками вербы их несли верующие.

Вспоминаются праздники Пасхи. Мы с подружкой (мне пять-шесть лет) бежим по коридору большой квартиры. Вдруг строгий оклик ее мамы: «Девочки, не бегать, пекутся куличи! От малейшего сотрясения опадут».

Вечернее застолье на Пасху. Большой стол для детей отдельно. На столе, обязательно покрытом белой скатертью — кружевные куличи, низкие, плотные, зато сладкие бабы. Творожная пасха с оттиском креста на плоской стороне, яркие разноцветные яйца среди зеленых побегов овса (специально выращенного к Пасхе); окорок, хворост (очень вкусный), клюквенный морс в больших кувшинах, вазы трех уровней с фруктами и конфетами.

Особенно яркое впечатление оставил один пасхальный день. Служба в католическом храме (я одно время жила в семье поляков: мама работала, и меня не с кем было оставить дома), затем торжественный ход священников, служителей церкви с хоругвями. Я с подружкой и еще с несколькими девочками — все в белых платьях, с большими бантами на головах. В руках корзиночки, наполненные белыми цветами (кажется, жасмином), идем впереди шествия, разбрасывая цветы.

На Рождество обязательно красиво украшенная елка. На столе — кутья (мед, перетертый мак, изюм, рис, маковое молоко), различные пироги.

Впервые поступила в школу во второй класс в городе Свердловске. Из времени жизни в Свердловске остались воспоминания о детских играх в большом дворе, где наряду с широко распространенными тогда играми в казаки-разбойники, лапту, играли в явно старинную еще дореволюционную игру, когда произносили определенный текст со словами «а мы просо сеяли, сеяли». Любила кататься на гигантских шагах. Столб с веревками с петлями на концах стоял во дворе. Зимой сами заливали горку для катания на санях.

Вспоминается приглашение в гости на запрещенную тогда елку, устроенную для дочери в квартире высокопоставленного чиновника (ясно не помню, какого именно, то ли секретаря обкома, то ли директора и строителя Уралмаша — Банникова¹). Окна в комнате были плотно зашторены, что меня, девочку, тогда сильно удивило. Конечно, большое впечатление оставило первое, причем самостоятельное, посещение оперного театра, где пела тогда знаменитая впоследствии певица Петрусенко². Слушала оперы «Руслан и Людмила», «Золотой петушок», «Русалка».

На всю жизнь осталось впечатление от одного посещения библиотеки. Мне восемь или девять лет. Свободно читаю серьезные для моего возраста книги: «Хижина дяди Тома», «Приключения Тома Сойера», романы Жюль Верна, Диккенса. Тогда для большинства моих сверстников такое «чтиво» было не по силам, сложно. Библиотекарша относилась ко мне очень хорошо, доверяла выдачу книг. И вот однажды, как только я вошла, она попросила меня войти в соседнюю комнату и из кучи лежащих на полу книг выбрать все, что мне захочется. По секрету объяснила, что все книги подлежат списанию, а затем сожжению, потому что в одних говорится о Боге, христианских праздниках, другие — «буржуйские», изданные еще до революции, некоторые в XVIII, XIX веках. Предупредила — никому об этом рассказывать нельзя. Взяла «Детство. Отрочество. Юность» Л. Н. Толстого, «Пятнадцатилетний капитан», «Дети капитана Гранта», несколько книг Майн Рида,

¹ Банников Александр Петрович (1895–1932) — начальник строительства (с 1926 года) и первый директор Уральского завода тяжелого машиностроения; в семье Банниковых росла дочь Лилианна

² Петрусенко Оксана Андреевна (1900–1940) — артистка оперы, исполнительница народных украинских песен, с 1916 по 1927 годы работала в украинских музыкально-драматических труппах.

великолепно изданный том Байрона и того же великолепного уровня издания альбом живописи на французском языке.

Затем я училась в Уфе. В Уфе поразили, конечно, деревянные тротуары, маленькие домики, величественная река с храмом на берегу (в 1950-х годах его снесли), ледоход.

В 1933 году была принята в шестой класс (с предварительной сдачей экзаменов) в 459-ю школу города Москвы. Окончила школу в 1938 году.

Между прочим, в новогоднее празднование 1936 года елку официально разрешили, и я помню хлопоты по выбору и закупке елочных украшений для школьного праздника и, конечно, первый школьный бал в 1937 году с елкой в Колонном зале Дома союзов; каждая школы Москвы получила тогда по несколько билетов.

Как сложились годы Вашего студенчества?

По окончании школы в 1938 году я поступила на теплотехнический факультет МЭИ. В те годы не практиковались дни «открытых дверей», а потому об особенностях выбранной профессии узнавала на собственном опыте и из консультаций с девушками старших курсов. Убедилась, что технические дисциплины и профессия инженера-теплотехника не для меня.

Таким образом, потеряв год, забрала документы. С детства любила исторические романы, с увлечением читала об археологических раскопках, о работах Шлимана; в школьные годы мне были интересны и книги с описанием быта разных народов: индейцев, негров, северян, украинцев. Но я решила стать археологом, и в 1939 году подала заявление в приемную комиссию истфака МГУ. Приняли без экзаменов, так как имела диплом отличницы (тогда золотых медалей еще не было).

Не повлияли на Ваше решение стать археологом Абрам Исаакович Першиц? По его воспоминаниям, он тоже хотел специализироваться по кафедре археологии.

Нет. Я познакомилась с Ромой³, когда мы проходили собеседование в университете. Двое будущих студентов, мы разговорились. Потом, совершенно не договариваясь, оказались в одной группе по изучению

³Першиц Абрам Исаакович (1923–2007) — этнограф, историк первобытного общества, теоретик этнологии; муж Я. С. Смирновой.

французского языка. Так что Абрам Исаакович не оказал влияния на мое решение стать археологом.

Кто еще был на Вашем курсе?

Зига Шмидт⁴, Рома Першиц (мы в одной группе были), Чистякова Ирина Викторовна, Вадим Александров⁵, Миша Гефтер⁶. На втором курсе пришел Миша Геллер⁷, он вместе с женой приехал из Польши; мы вместе были в эвакуации, потом он стал видным диссидентом. Восленский Миша⁸, потом в Германии был во главе какого-то центра — он очень упорно учился, языки учил и т.д. Зимин Александр⁹. Учились Надя Онайко (археолог), Соня Изумова (работала потом в ГИМе); Авдусин¹⁰, кажется, тоже учился у нас. Саша Медведев¹¹ вел после Арциховского раскопки в Новгороде, и при нем также были обнаружены берестяные грамоты, он умер там же, на раскопе. Зоя Никольская. А вообще на курсе было сто пятьдесят человек.

⁴ Шмидт Сигурд Оттович (1922–2013) — историк, археограф, теоретик краеведения, долгие годы отдал преподавательской работе в Историко-архивном институте.

⁵ Александров Вадим Александрович (1921–1994) — историк, этнограф, специалист по исторической этнографии русского народа; с 1956 года сотрудник ИЭ АН СССР. См.: Липинская В. Вадим Александрович Александров // ЭО. 1994. № 5.

⁶ Гефтер Михаил Яковлевич (1920–1995) — историк, философ, публицист; деятель правозащитного и диссидентского движения в СССР.

⁷ Геллер Михаил Яковлевич (1922–1997) — историк, публицист, писатель, деятель правозащитного и диссидентского движения в СССР.

⁸ Восленский Михаил Сергеевич (1920–1997) — историк, философ; в 1972 году стал невозвращенцем в СССР; возглавлял Институт по изучению советской действительности (Бонн), широко известен своими исследованиями советской партийно-государственной номенклатуры.

⁹ Зимин Александр Александрович (1920–1980) — историк, исследователь русского средневековья, автор работ по социально-политической истории, истории общественной мысли, историографии, источниковедению.

¹⁰ Авдусин Даниил Антонович (1918–1994) — археолог, исследователь славяно-русских древностей и раннегородской культуры.

¹¹ Медведев Александр Филиппович (1916–1984) — археолог; в 1939–1944 учился на историческом факультете МГУ, в 1944–1947 — в аспирантуре; один из основных научных сотрудников Новгородской археологической экспедиции, проводил раскопки в Старой Руссе, Городце; работы по древнерусскому оружию.

Мне запомнись старшекурсники: Илья Гурвич¹² (был на два курса старше), Некрич¹³ был старше на курс. Шрагин Борис¹⁴ старше на курс.

Когда появился интерес к этнографии?

Интерес к этнографии появился во время слушания лекций Толстова¹⁵. Это было на первом курсе. Я заинтересовалась его лекциями. Когда узнала, что Шиллинг¹⁶ ведет кружок, сразу же начала там заниматься. Нас было несколько человек, это было без всякого показа, практически, то, что он мог дать по книжным иллюстрациям. Это были просто рассказы, та же общая этнография, но более подробно, чем в лекциях Сергея Павловича.

Весной я решила обязательно поехать в этнографическую экспедицию.

Ваша первая этнографическая экспедиция была на Кавказ?

Нет. После окончания первого курса я очень хотела поехать на Алтай — туда студенческую экспедицию вез Илья Гурвич, но меня не взя-

¹² Гурвич Илья Самуилович (1919–1992) — этнограф, специалист по этнографии народов Севера; студент МГУ (1937–1941), аспирант ИЭ АН СССР (1946–1950), с 1956 года сотрудник ИЭ АН СССР. См.: Батьянова Е. П., Жорницкая М. Я. Илья Самуилович Гурвич // ЭО. 1992. № 5.

¹³ Некрич Александр Моисеевич (1920–1993) — историк, автор работ по истории Европы XX столетия, дипломатической предыстории Второй мировой войны, политическим репрессиям в СССР; книга «1941. 22 июня» (М., 1965) подверглась официальной критике; в 1976 году эмигрировал из СССР; в США работал в Русском исследовательском центре Гарвардского университета.

¹⁴ Шрагин Борис Иосифович (1926–1990) — публицист, философ, деятель правозащитного и диссидентского движения в СССР; с 1974 года — в эмиграции.

¹⁵ Толстов Сергей Павлович (1907–1976) — заведующий кафедрой этнографии МГУ (1939–1951), декан исторического факультета МГУ (1943–1944), директор ИЭ АН СССР (1942–1966). См.: Рапопорт Ю. А., Семенов Ю. И. Сергей Павлович Толстов: выдающийся этнограф, археолог, организатор науки // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004.

¹⁶ Шиллинг Евгений Михайлович (1892–1953) — этнограф, кавказовед, специализировался на изучении духовной культуры народов Кавказа; с 1939 года доцент кафедры этнографии МГУ; в 1943–1953 годах — научный сотрудник ИЭ АН СССР. См.: Анчабадзе Ю. Д. Евгений Михайлович Шиллинг // Е. М. Шиллинг. Малые народы Дагестана / Сост. и научное ред. Н. Г. Волковой, Г. А. Сергеевой. М., 1993.

ли. Тогда я решила поехать с Золотаревым¹⁷. Мы сидели, ждали его, он должен был беседовать с теми, кто поедет. Ждали очень долго, даже надоело. Открылась дверь, входят трое молодых людей, и я спрашиваю: «Ребята, когда же черт принесет этого Золотарева! Вы не видели его?» Тогда один из троих вышел на шаг вперед и сказал: «А я уже пришел». Вот так состоялось мое с ним знакомство. Но он не обиделся.

Два месяца летом 1940 года я работала в экспедиции под руководством Золотарева у хантов на Оби — это была моя первая экспедиция. Нас было пять человек. Кроме меня из студентов был Джемалэдин Энверович Далгат¹⁸, (он одновременно учился в консерватории и стал дирижером) и Зоя Цемес.

Передвигались на большой лодке по Оби. Гребли сами, но специально наняли мальчишку, лет двенадцати, чтобы греб, но и чтобы был рулевым. Я как-то попросила: «Александр Михайлович, разрешите и я немножко побуду рулевым». Он: «Что ты в самом деле, сиди, куда ты лезешь». На другой день опять: «Разрешите я». Как-то получилось так, что в конце концов Золотарев говорит: «Хочешь попробовать — садись». После этого больше я уже оттуда не выходила. Всю оставшуюся поездку рулевым была только я.

Обь... Дикая река. Редкие селения по берегам. Спали, разбивая палатки. Было очень даже интересно.

Зайдя в селение, Золотарев говорил: «Иди по улице и что хочешь, то и спрашивай, сама собирай материал». То ли он решил, что я не гожусь, но ничего не обговаривали, не было никаких проводников. Ну, я и пошла по домам. Русский они знали, но кто примет, а кто и нет. Одновременно мы должны были собирать экспонаты для музея антропологии им. Анучина. Как-то мы зашли в чум, там всякие берестяные изделия висят, кринки, туески на стенах, березовые изделия. Золотарев задавал какие-то вопросы, а я рассматривала утварь. На полу лежали лыжи, подбитые камусом, это обязательно, когда в них на охоту ходят зимой, они не обмерзают. Золотарев торговался: «Продай мне эти

¹⁷ Золотарев Александр Михайлович (1907–1943) — этнограф, исследователь проблем первобытного общества; в 1939–1941 годах — сотрудник кафедры этнографии МГУ.

¹⁸ Далгат Джемал-Эддин (Джемал) Энверович (1920–1991) — поступив на исторический ф-т МГУ, одновременно получал музыкальное образование в Московской, затем в Ленинградской консерваториях; деятель музыкальной культуры, дирижер, композитор; заслуженный деятель искусств РСФСР (1960).

лыжи». Тот ни в какую, не буду продавать, они мне принесли удачу, они удачливые. Тут я увидела очень красивое берестяное изделие, туесок, лыжи мне мешали, и я перешагнула через них. Вдруг хант говорит: «Все, бери лыжи, все равно они теперь никуда не годны. Она перешагнула». А я тогда не знала, что старуха может, а молодая женщина не может перешагнуть. И мы забрали лыжи.

В другой раз я увидела в чуме очень красивую наволочку на подушку. Я прибежала и говорю:

- Александр Михайлович, дайте деньги, три рубля.
- Вот еще, три рубля, дорого.
- Александр Михайлович, очень красивая вещь.
- Мало ли что, не нужно.

Я тогда купила на свои деньги. А когда вернулась, Золотарев увидел и говорит:

- Отдай в музей.
- Александр Михайлович, вы отказались.

Я уложила вещь в чемодан (у нас с Зоей Цемес был один чемодан на двоих). Через несколько дней я вдруг увидела у Золотарева эту самую наволочку.

- Александр Михайлович, что вы делаете.
- Это для музея.

Я пыталась у него взять, мы выдирали наволочку друг у друга. Но он у меня ее отобрал.

Как в дальнейшем протекала учеба и специализация по профессии?

Это был уже 1941 год. Я была удивлена, когда однажды мне вдруг передали, что Сергей Павлович просит придти на заседание кафедры. Я удивилась: какое отношение я имею к кафедре. Я пришла. Обсуждался вопрос об экспедициях, а кафедра этнографии была вместе с археологами (я помню там был Арциховский¹⁹). И вдруг Сергей Павлович меня спрашивает:

- Куда едете в этом году? Опять к хантам?
- Я говорю, что не поеду к хантам.

¹⁹ Арциховский Артемий Владимирович (1902–1978) — археолог, историк, специалист по славяно-русской археологии, основатель Новгородской археологической экспедиции МГУ; в описываемое время — профессор, заведующий кафедрой археологии Исторического факультета МГУ (1939–1978).

— Почему?

Я ответила, что прежде чем окончательно решить, по какому народу я буду специализироваться, мне нужно познакомиться с разными регионами, и сказала, что в этом году я бы поехала на Кавказ с Шиллингом.

Я думала, Сергей Павлович будет возражать. Но он сказал:

— Пожалуй, это правильно.

Так что я должна была ехать на Кавказ, но 22 июня началась война.

Как Вы пережили войну, как шла учеба в военное время?

В университете я была общественницей, я была старостой, профоргом. Меня знали. Буквально накануне войны меня вызывали в бюро комсомола и предложили поехать с группой студентов в Ленинград. Поэтому, как только началась война, мне стали давать разные поручения. Была объявлена мобилизация в колхоз, мне дали адреса мобилизованных, чтобы предупредить их о том, что надо ехать. Я ездила. В совхозе была звеньевым.

В эвакуации мы оказались сначала в Ашхабаде. Занятий почти не было. До университета из общежития (нас поселили в школе) нужно было несколько километров идти в жару, когда пятилитровая бутылка, вылитая на пол, через три минуты испарялась, такая жара была. Поэтому очень мало кто ходил в университет из общежития, а автобусов, общественного транспорта в Ашхабаде практически не было.

Затем был Свердловск, где университет находился в здании Индустриального института. Лекций читалось мало. Из специализаций занятия по этнографии народов Севера с нами вел Николай Николаевич Чебоксаров²⁰. Чебоксарову же я сдавала экзамен по этнографии народов Севера. Сдавала экзамен на дому. Сдавала очень долго, около двух часов, потому что Ирина Абрамовна²¹ стояла рядом, жарила на керосинке блинчики и усиленно тоже мне задавала вопросы. Я отвечаю, а она вклинивается, задает разные вопросы, как было это, а как то. Когда я спустилась вниз, я нашла вконец замершую подругу Татьяну

²⁰Чебоксаров Николай Николаевич (1907–1980) — этнограф, антрополог. См.: Решетов А. М. Николай Николаевич Чебоксаров: портрет ученого в контексте его времени // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004.

²¹Чебоксарова Ирина Абрамовна (? — 1994) — биолог, преподаватель средней школы; жена Н. Н. Чебоксарова.

(было около сорока градусов), которая страшно волновалась, думая, что со мной что-то случилось.

Антропологию читал Дебец²². Пособий никаких не было, и он просто с нами занимался. Это были все занятия по специализации. А других занятий по специализации, к сожалению, не было. Мы, к сожалению, много пропустили, в отличие от тех студентов, которые в это время были в Москве (Зига и др.), потому что у них был полный цикл занятий. Нам очень война помешала.

Когда Вы вернулись в Москву из эвакуации?

Это был сорок третий год. Я на месяц раньше вернулась, чем остальные группы. Я прежде всего пошла в университет, к замдекану Римме Федоровне Мыркиковой (внешне очень строгая, но очень отзывчивый человек, которая любила всех студентов). И на другой день висел приказ о моей мобилизации в пожарную дружину. И я дежурила в дружине на истфаке, вместе с Надеждой Федоровной Дебец²³.

Как все-таки произошло Ваше соприкосновение с Кавказом?

По следам первого курса, когда я сказала, что хочу посмотреть Кавказ, в августе сорок пятого года я поехала на Кавказ с Шиллингом и на Кавказе осталась.

В августе сорок пятого года была организована экспедиция в Дагестан во главе с Шиллингом. Со мной ехала Галина Александровна Сергеева²⁴, Юлия Иванова²⁵, Лиля Зверева (она уже была в аспирантуре, защитила по Абхазии, но заниматься наукой потом не стала),

²² Дебец Георгий Францевич (1905–1969) — палеоантрополог, изучал древнейшие этапы формирования населения на территории СССР, сотрудник ИЭ АН СССР с 1943 года. См.: Дубова Н. А. «Неизгладимый след в наших умах и сердцах»: Георгий Францевич Дебец // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004.

²³ Дебец Надежда Федоровна — жена Г. Ф. Дебеца.

²⁴ Сергеева Галина Александровна — этнограф, кавказовед, специалист по материальной культуре и социальным отношениям народов Кавказа; в 1943–1948 годах — студентка МГУ; с 1956 года — сотрудник ИЭ АН СССР/ИЭА РАН.

²⁵ Иванова Юлия Владимировна (1922–2006) — этнограф-балкановед. См.: Новик А. А. Юлия Владимировна Иванова: жизнь, отданная Балканам // ЭО. 2007. № 1.

Антонина Федоровна Федотова — Тошка мы ее звали, работала в секторе антропологии у Левина. Она была очень добрым, отзывчивым человеком. В Дагестане у нее оказалась конфета, и она стала резать на столько частей, сколько нас было в комнате, а нас было двенадцать человек.

Ехали в теплушках. Все вокзалы были разрушены, ростовский в частности. Единственное — за кипятком можно было сбежать. И почему-то за кипятком бегала я. Наверно, потому, что вопреки моде того времени, я ехала в спортивных шароварах, а девчонки все были в платьях, мне было удобней. Остановки были неизвестно сколько — десять минут, двадцать, час. Был случай, как я захватила воду, а поезд уже тронулся, и меня какие-то военные в поезд вбрасывали уже на ходу.

Когда мы приехали, нужно было идти в обком, думали, что одеть. Самым приличным оказалось мое платье, хотя оно было очень скромным, но остальные посчитали, что не годятся для обкома. Мы в то время были в очень хороших отношениях с секретарем обкома Данияловым²⁶. Экспедиция Шиллинга пользовалась всяческим покровительством. При дефиците сорок пятого года нам давали продукты с собой в экспедицию: тушенку, сахар. Давали машину. Билеты. Когда ехали обратно, то к нам в купе постучались какие-то военные. Увидев нас, смеялись:

— Вот, тоже мне «академики», нам говорили, что нет билетов, потому что все отдали «академикам».

В Дагестане было интересно. Мы были в Хунзахе. Шиллинг распределил между нами темы, мне достались темы по пище и одежде. Шиллинг был требовательным преподавателем, и с нас требовал отчет. Я была удивлена, когда у нас на Дмитрия Ульянова²⁷ была юбилейная выставка и на ней была моя тетрадь с рисунками: как готовят, как режут, как что-то разделявают. Шиллинг все сохранил, все наши отчеты и материалы.

²⁶ Даниялов Абдурахман Даниялович (1908–1981) — государственный и политический деятель Дагестана; в описываемое время занимал пост председателя Совета народных комиссаров Дагестанской АССР (1940–1948), в дальнейшем (1948–1967) — первый секретарь Дагестанского обкома КПСС.

²⁷ До 1990 года Институт этнографии помещался в здании, расположенном на ул. Дмитрия Ульянова, 19.

Занимаясь одеждой, я все мерила на себе. Мне сказали, пройдиесь по аулу. Так со всех окон на меня смотрели. Им это было интересно, так как после войны мы были первыми русскими, которые там очутились. Для Хунзаха это было событие. Переводчиком у нас был председатель райисполкома, местные мальчишки, которые учились в десятом классе, так что в переводчиках мы не нуждались. И среди наших переводчиков был Дибир Атаев²⁸. Он очень интересовался нашей работой и пошел на истфак только потому, что был с нами, решил стать этнографом. Но в университете переквалифицировался по кафедре археологии. Во все свои приезды в Москву — и когда поступил в университет (доложить), и когда закончил аспирантуру, защитил диссертацию — всегда приходил в наш сектор на Дмитрия Ульянова.

Какое впечатление на Вас произвел Кавказ, кавказская действительность того времени?

Огромное впечатление произвели горы, море — я море тогда впервые увидела. В первую экспедиции, конечно, были любопытны и интересны сами селения, традиции, обычаи. Нас с Галей²⁹ повезли на лошадях в Хунзахскую крепость, ехали с ней вдвоем. Специально для нас собрали местных девушек, устроили танцы с факелами, света не было, была ночь. Это было интересно.

Удивляло, что из всего селения только одна девушка училась в Махачкале, в медицинском институте. Она как раз была там на каникулах. Поскольку она приехала из Махачкалы, она была уже одета по-современному. Но женщины ходили в основном в национальной одежде. Это невольно фиксировалось в памяти.

Когда Вы поступили в аспирантуру?

Сразу после дагестанской экспедиции. Я не оставляла мысли об аспирантуре. К этому времени Рома был уже аспирантом, он в срок четвертом году поступил. Вначале он хотел у Арциховского быть, но потом они о чем-то поспорили, и после этого он решил, что Арциховский его не возьмет, раз он с ним поспорил. Я пошла к Сергею Павловичу и попросила, чтобы Рому взяли в аспирантуру. Сергей

²⁸ Атаев Дибир Муслимович (1926–1970) — дагестанский историк и археолог, основные работы — по раннесредневековой истории Дагестана.

²⁹ Галина Александровна Сергеева.

Павлович поморщился, сказал, что не знает как, но, думаю, он потом не пожалел.

А меня, как оказалось, рекомендовал заведующему кафедрой этнографии Толстову как будущую аспирантку Золотарев. Но дело было так. Сергей Павлович мне говорит:

— Что же вы меня подвели, я вас рекомендовал в аспирантуру, а вам дали очень плохую общественную характеристику. За время пребывания в университете вы абсолютно никакого участия не принимали в общественной жизни.

Я страшно изумилась. Это было неправдой, уж кого, но меня нельзя в том было обвинить. Я обратилась к секретарю нашей парторганизации на факультете. Она меня знала и сказала, что напишет мне характеристику. Но когда я вернулась, Сергей Павлович сказал, что уже поздно, потому что на мое место кого-то взяли. И сказал:

— Давай ко мне в аспирантуру, в Институт этнографии.

И я не жалею, что я в университете не была, а попала в аспирантуру Института этнографии.

Шиллинг встретил меня и сказал:

— Почему же вы мне не сказали, что будете специализироваться по этнографии и пойдете в аспирантуру? Если бы я знал, что вы хотите стать этнографом, разве я бы дал вам такую тему, как просто пицца? Я бы вам дал семью, общественный быт. Я решил, что вы просто хотите «прогуляться».

Вступительные экзамены принимал Бунак³⁰. Он спросил, что такое род. Я ответила, а Бунак говорит:

— Что так мало, надо все-таки подробнее.

Я растерялась, в результате получила четверку. А после экзамена мне сказали, что Виктор Валерьянович плохо слышит, он не слышал, что я говорила, поэтому вторично задал вопрос. Но вообще как-то все считали, что меня нужно взять в аспирантуру, поэтому не придирались. О том, что я принята, услышала за праздничным ноябрьским столом

³⁰ Бунак Виктор Валерьянович (1891–1979) — антрополог; занимался проблемами краниологии, теоретического расоведения, происхождения речи и мышления; сотрудник ИЭ АН СССР с 1943. См.: Васильев С. В., Урысон М. И. Виктор Валерианович Бунак: патриарх отечественной антропологии // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004.

(в институте были приняты праздничные застолья, институт был маленький, все собирались). Максим Григорьевич³¹ сказал:

— У меня тост, хочу выпить за то, что Люся поступила в аспирантуру.

Что запомнилось из периода учебы в аспирантуре?

В аспирантские годы у нас было несколько тем, заданий. Заведующий аспирантурой Потехин следил, чтобы аспирантские работы выполнялись в срок. С сорок шестого года было введено правило устраивать отчетные экспедиционные сессии. На ученом совете отчитывались даже аспиранты. Когда подошла моя очередь, я сбежала из зала, испугалась, не люблю выступать. За мной кто-то выскочил, сказал, да что ты, в самом деле, надо пойти. Заставили, можно сказать. Я поднялась на трибуну, отчиталась. И вот черта Георгия Францевича Дебеца — он подошел ко мне и сказал:

— Молодец, очень хорошо отчиталась, очень интересный и хороший доклад.

Видимо, он видел, что я убежала.

Сдавали экзамены по специальности. Я сдавала Токареву³². В это время влетел Левин, у них начиналось какое-то заседание, и он сказал:

— Хватит, Сергей, ее спрашивать, что ты ее мучаешь, идем. Мы опаздываем.

Поэтому экзамен длился каких-то пять-десять минут.

³¹ Левин Максим Григорьевич (1904–1963) — антрополог, этнограф; изучал проблемы этногенеза, древнейшего расселения, этнической антропологии, этнической истории и этнографии народов Сибири и Дальнего Востока; с 1943 года сотрудник ИЭ АН СССР, в 1944–1963 годах — заместитель директора ИЭ АН СССР. См.: Алексеева Т. И., Арутюнов С. А. Максим Григорьевич Левин: ученый, учитель, человек // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004.

³² Токарев Сергей Александрович (1899–1985) — этнограф, основные работы по народам Австралии и Океании, Сибири, Европы, религиоведению, истории этнологии; сотрудник ИЭ АН СССР (1943–1984). См.: Козлов С. Я. Сергей Александрович Токарев: «этнографический университет» // Выдающиеся отечественные этнологи и антропологи XX века / Отв. ред. В. А. Тишков, Д. Д. Тумаркин. М., 2004; Благодарим за встречу с ним. О Сергее Александровиче Токареве — ученом и человеке / Отв. ред. — составители С. Я. Козлов, П. И. Пучков. М., 1995.

Но главное — диссертация. Кроме написания отчетов было написание глав. Перед поступлением в аспирантуру мне сказали, что будешь заниматься осетинами. Я что-то читала, что-то меня заинтересовало. На вступительных экзаменах, помимо общих, были вопросы по этнографии осетин. А после экзаменов Косвен³³ сказал, что осетины нам не нужны. Нужна Абхазия. Он уже занимался патронимией, и по осетинам у него был материал, и он был заинтересован в Абхазии. Моя первая диссертационная тема была по патронимии в Абхазии...

Вашим руководителем был Марк Осипович?

Да.

Расскажите о секторе Кавказа, где Вы были аспиранткой. Каков был Марк Осипович как руководитель?

Сотрудниками сектора были Косвен, Шиллинг, Лавров³⁴ (в Ленинграде), Такоева³⁵. Пришел Кокиев³⁶ в сорок пятом или сорок шестом году. Из аспирантов были Зоя Никольская, Юлия Иванова (сначала была у нас), Борис Калоев³⁷.

³³ Косвен Марк Осипович (1885–1867) — этнограф, кавказовед, славист, историк первобытного общества; сотрудник ИЭ АН СССР (1943–1965), в 1943–1957 годы возглавлял в институте сектор народов Кавказа. См.: Гарданов В. К. Марк Осипович Косвен // СЭ. 1967. № 6.

³⁴ Лавров Леонид Иванович (1909–1982) — этнограф, кавказовед, специалист по этнографии народов Северного Кавказа; сотрудник ленинградской части ИЭ АН СССР, заведующий сектором этнографии народов Кавказа (1957–1961). См.: Гарданов В. К. Леонид Иванович Лавров // СЭ. 1983. № 1.

³⁵ Такоева Нина Фацбаевна (1910–1959) — этнограф, кавказовед, специалист по этнографии осетин; сотрудник ИЭ АН СССР (1946–1959). См.: Personalia // Страницы отечественного кавказоведения / Отв. ред. Н. Г. Волкова. М., 1992

³⁶ Кокиев Георгий Александрович (1896–1955) — историк, этнограф, специалист по истории и этнографии народов Северного Кавказа; сотрудник ИЭ АН СССР (1946–1949). См.: Анчабадзе Ю. Д. Кавказовед Г. А. Кокиев: жизнь, творчество, судьба // Репрессированные этнографы / Составитель и отв. ред. Д. Д. Тумаркин. М., 1999. Вып. 1.

³⁷ Калоев Борис Александрович (1916–2006) — этнограф, многочисленные работы по этнографии осетин и народов Северного Кавказа. См.: Анчабадзе Ю. Д., Цаллагова З. Б., Зверева Ю. И. Борис Александрович Калоев // ЭО. 2007. № 3.

Одновременно были Сакинат Гаджиева³⁸, Лили Акаба³⁹, Миша Ихиллов⁴⁰. Мише очень помогла с диссертацией Клавдия Ивановна Козлова⁴¹, она взяла над ним опеку, редактировала его диссертацию. Он плохо писал по-русски, но был хорошим специалистом, любил этнографию, занимался ею как следует. Был такой случай: в Институте истории шло заседание по Шамилю⁴² (сотрудники одного института присутствовали на заседаниях других институтов). Присутствовали и выступали Косминский⁴³, Сказкин⁴⁴, Нечкина⁴⁵. Не знаю, правильная была теория Багирова⁴⁶ или нет, но выступали с осуждением Шамяля,

³⁸ Гаджиева Сакинат Шихамедовна (1914–2003) — дагестанский этнограф, автор многочисленных работ по этнографии кумыков и других народов региона. См.: Сакинат Шихамедовна Гаджиева // ЭО. 2005. № 1.

³⁹ Акаба Лили Хуршитовна (1924–2010) — абхазский этнограф.

⁴⁰ Ихиллов Михаил Мататович (1917–1997) — этнограф, специалист по этнографии горских евреев и народов Дагестана. См.: Ихиллов Михаил Мататович: ученый, воин, гражданин. Махачкала, 2010.

⁴¹ Козлова Клавдия Ивановна — этнограф, специалист по этнографии народов Поволжья; во время обучения в аспирантуре при кафедре этнографии МГУ первоначально специализировалась по этнографии народов Северного Кавказа, но затем стала заниматься этнографией марийцев и других финно-угорских народов Поволжья; в настоящее время — профессор кафедры этнологии МГУ. См.: Карлов В. В. Козлова Клавдия Ивановна // Энциклопедический словарь Московского университета. Исторический факультет. М., 2004.

⁴² Научная сессия в Институте истории АН СССР состоялась 30–31 октября 1950 года.

⁴³ Косминский Евгений Алексеевич (1886–1959) — историк-медиевист, академик АН СССР; заведующий сектором истории средних веков Института истории АН СССР (1936–1952).

⁴⁴ Сказкин Сергей Данилович (1890–1973) — историк-медиевист; в описываемое время — профессор исторического факультета МГУ, заведующий кафедрой истории средних веков МГУ.

⁴⁵ Нечкина Милица Васильевна (1901–1985) — историк; специалист по истории России XIX века, движения декабристов, общественно-революционного движения; в описываемое время — профессор кафедры истории СССР МГУ, заведующий кафедрой истории СССР Академии общественных наук при ЦК ВКП (б).

⁴⁶ Багиров Мир-Джафар Аббасович (1896–1956) — государственный и политический деятель Азербайджана, первый секретарь ЦК Компартии республики (1933–1953); выступил в партийной печати со статьей «К вопросу о характере движения мюридизма и Шамяля» (Большевик, 1950. № 13), по-

что он был против присоединения к России. И вдруг просит слово, поднимает руку и бежит к трибуне Ихиллов и говорит:

— Что вы здесь понимаете, вы здесь ничего не понимаете, я вам скажу всю правду.

И начинает говорить — всеобщее молчание, а потом всеобщий смех⁴⁷.

В заочной аспирантуре были также осетин Гагкаев (не помню, очно и заочно), заочно — Эмма Карапетян⁴⁸, Дареник Вардумян⁴⁹.

Косвен был требовательным. Помню обидный эпизод. Я отчитывалась на секторе. У меня был намечен план, я рассказала, что делала, как собирала материал, но может, не особо глубоко все осветила. Марк Осипович отнесся ко мне резко, сказал, что не знает, была ли работа в экспедиции, или не было. Но это была неправильно.

Когда написала диссертацию, дала Косвену текст, все на машинке, за исключением нескольких сносок от руки. Он сказал, когда все начисто перепечатаете, тогда дадите. Я перепечатала начисто, у нас была машинистка, которая кончила литфак МГУ. Напечатано было хорошо. Тогда дала Марку Осиповичу.

Вы сказали, что первая тема диссертации была посвящена патристике в Абхазии...

Но, к сожалению, у меня с ней ничего не получилось. Не было программы, я не совсем вошла в курс темы, не все стороны освещала, что-то не получалось. Я сказала об этом Косвену, он сказал — переменим тему. И я буквально меньше чем за год поменяла тему на положение

служившей официальной директивой для исторической оценки борьбы горцев как реакционного движения, направленного против России.

⁴⁷ Стенограмма заседания (Архив РАН. Ф. 1577. Оп. 2. Д. 252) не зафиксировала выступления М. М. Ихилова; тем интереснее свидетельство Я. С. Смирновой.

⁴⁸ Карапетян Эмма Тиграновна (1920–1997) — этнограф, этносоциолог, специализировалась по проблемам семейного быта и материальной культуры армян, этносоциальным процессам в Армении; в 1945–1949 годах училась в аспирантуре ИЭ АН СССР, сотрудник Института археологии и этнографии АН Армянской ССР. См.: Варданян Л. М., Вардумян Д. С. Эмма Тиграновна Карапетян // ЭО. 1998. № 2.

⁴⁹ Вардумян Дареник Суменович (1923–2005) — этнограф, работы по материальной и духовной культуре армян.

абхазской женщины⁵⁰. Собирая материал по патронимии, я одновременно собирала материал по семье, по свадьбе, так что материал какой-то был.

Как проходили экспедиции в Абхазии?

В Абхазии я провела три полевых сезона. До сих пор сохраняю благодарность к Ивану Андреевичу Аджинджалу⁵¹, который очень помог мне: он поехал со мной переводчиком. Мы с ним ездили два сезона. Из селения в селения мы с Иваном Андреевичем ходили пешком, автобусов не было. Его знали все, встречали как хорошего знакомого. Переводчиком Иван Андреевич был отличным. Будучи сам этнографом, он хорошо понимал, что интересно, что нужно, что нет. Не так, как бывает: задаешь вопросы, тебе отвечают, а переводчик переводит только «да» или «нет». Иван Андреевич моментально вникал, извлекал суть и говорил, мол, информатор говорит то же самое, что говорил предыдущий, но добавил это и это. Это было здорово, я ведь не знала языка... Многие мне помогали. После этого Миша Гумба⁵² решил пойти на истфак. Он стал археологом.

Я очень заинтересовалась Абхазией, где увидела полное отличие от Дагестана. Многие дома оставались плетеными, немногие были дощатые. Во многих сохранялись земляные полы. Чистота дворов абсолютная. Захоронения в усадьбе, обычай, который и сейчас остался. Обычай избегания. Одежда была более или менее городская. Поразили застолья. Деревянные столы, вилок не было, на тарелках мясо и абыста⁵³. Мне давали вилку, но остальные действовали руками. Все знали Аджинджала, поэтому вечером собирались за столом. И тосты за каждого из гостей. Двадцать человек и за каждого надо сказать тост. В Ачандарах⁵⁴ я пробовала отказаться. На это старик взял стакан на ладонь и подал мне. Что будешь делать?

⁵⁰ В 1950 году Я. С. Смирнова защитила кандидатскую диссертацию «Абхазская женщина в дореволюционном прошлом и в советскую эпоху».

⁵¹ Аджинджал Иван Андреевич (1896–1963) — абхазский этнограф.

⁵² Гумба Михаил Михайлович (род. в 1925 г.) — абхазский археолог, историк.

⁵³ Абыста — традиционное абхазское блюдо из кукурузной муки.

⁵⁴ Ачандара — село в Гудаутском районе Абхазии.

Там я столкнулась с обычаями, которые меня удивили. Я собирала материал, мне было интересно.

Между прочим, перед третьим сезоном в Абхазии Левин отказал в деньгах, так как я «весь лимит израсходовала». Я попросила оплатить мне только дорогу. Левин свое: лимит исчерпан. Тогда я повернулась и сказала:

— А я все равно поеду.

— Ты все равно поедешь? Тогда я оплачу тебе дорогу.

Так что я третий раз поехала. Я тогда занималась генеалогией. И в одном селении никак не могла разобраться: женщина называет мужа, потом называет другое имя мужа. Я говорю, вы же другое имя называли. А потом разобралась, что это был случай левирата: муж умер, и она должна была выйти за брата.

В каких еще регионах Кавказа Вы вели экспедиционную работу?

Кабарда, у балкарцев — меньше, больше всего у карачаевцев, Адыгея, Осетия, Чечено-Ингушетия. В Дагестане я бывала, но в экспедиции не возвращалась.

Как работали с информантами, не было сложностей?

Приезжая в регион, я сразу обращалась в административную инстанцию (исполком, райком и т. д.), брала письма, которые предъявляла председателю сельсовета. Он кого-то вызовет, и по селу быстро разносились весть, что мы приехали.

С информаторами мне везло. С недружелюбием встречались редко, наоборот, всегда было очень благожелательное отношение, они совершенно спокойно шли на контакт. В основном я разговаривала со стариками. Их это интересовало. В 70-е годы в Абхазии я попала в тот же дом, к тому же хозяину, что и в одну из аспирантских экспедиций. Он не узнал меня. Когда я стала задавать вопросы, он мне вдруг говорит, что, мол, когда-то здесь ездила девушка, которая задавала похожие вопросы. Пришлось сказать, что это была я. Тогда мой информант вскричал:

— Так ты что, меня не узнала?

В Абхазии осложняло то, что когда войдешь в дом, то пока не сядешь за стол и не будет традиционных тостов, то разговаривать с тобой не станут.

Но вообще, с информантами у меня всегда получались контакты.

Сегодня Кавказ стал зоной межэтнической конфликтности. Наблюдали ли Вы симптомы этих деструктивных процессов во время полевых изысканий?

Подспудно, пожалуй, да. В Абхазии подспудно чувствовалось негативное отношение к Грузии, часто в открытую. Кто-то из мальчишек-проводящих, когда переходили из селения в селение, жаловался, мол, не знает, что делать, хочет поступить в России в институт, хочет учиться.

— Но ты же здесь учишься?

— Да, на грузинском языке. Но я не хочу. Я просто зубрю, но не понимаю, что я зубрю.

В те же 40-е годы при мне был случай. Мы только что приехали, сидели в Гудаутском райкоме партии. Один стукнул кулаком по столу и сказал:

— Если вы не разрешите моей внучке учиться в Гудаутах в русской школе, она вообще не будет учиться.

Это, несмотря на все заверения секретаря — как же так? Они были против. В Абхазии очень сильно, во многом это чувствовалось. Но потом грузинский язык отменили.

В поздние годы были случаи в Чечено-Ингушетии, особенно в Чечне, явно не хотели разговаривать, или при первом же разговоре: а что вы с нами, русские, сделали, зачем вы нас выслали. Если даже не говорили, то это чувствовалось. Мне приходилось говорить, что русские ничего против чеченцев не имеют, что мы не причем. Причем у меня был «козырь»:

— А вы знаете, что в Ленинграде в одну ночь выселили больше ста тысяч русских, только русских.

— Как?

— После убийства Кирова, причем дети попали в одну сторону, родители в другую.

Когда я была во второй, в третий раз, как правило, было более дружелюбно.

В Чечено-Ингушетии немножко чувствовались подспудно сложности в отношениях между чеченцами и ингушами. Все-таки чеченцы всегда себя считали выше. Браки на ингушках считались нежелательными, а браки ингушки с чеченцем, наоборот, — престижными. Но никакой вражды не было, явного выражения недоверия, недружелюбия между чеченцами и ингушами я не наблюдала. Основная проблема — кровная месть, общая для всех.

В Карачае, когда я туда приехала, я видела, что подспудно шли трения между карачаевцами и черкесами, браки карачаевцев на черкешенках и абазинках были не особенно желательны, это явно. Пожалуй, карачаевцы считали себя выше всех, мне так показалось.

Не совсем благожелательное отношение было к русским, особенно к казачьему населению. Явно это не говорилось, но подспудно чувствовалось. Это мне подтверждали и некоторые местные этнографы

Хотя я не особенно интересовалась этими проблемами. Главными для меня были обычаи, традиции.

В течение многих лет полевой работы Вы имели возможность наблюдать за эволюцией бытовой культуры у народов Кавказа. Что было главным в этом процессе; на Ваш взгляд, какие произошли наиболее значительные изменения?

Прежде всего изменилась материальная культура — жилище, пища. Обыденная пища стала разнообразней, а праздничная изменилась резко, везде. Кто думал особо о конфетах, шампанском, ветчине, рыбе, о сервировке, хрустале? Приезжаешь — граненые стаканы, отсутствие вилок, простая столешница, а сейчас — столы, скатерти, фарфор.

Одежда резко изменилась, причем еще в 60-е годы. Когда я ехала в Адыгею, меня наставлял Лавров: только ты смотри, возьми платья с длинным рукавом (было лето), по крайней мере до локтя, иначе нельзя, никакой помады и т. д. А когда я приехала, то увидела у всех современные прически, в селениях девушки ходили в платьях без рукавов.

В одном селении я беседовала с пожилой информанткой, при разговоре присутствовала ее внучка — девушка-студентка. У бабушки длинное платье, довольно длинный рукав. Я задавала вопросы по одежде, меня интересовала традиционная, детская, подростковая. И бабушка, показывая на внучку, говорит:

— Разве мы так вот ходили, как она, с ногами голыми, в тапочках, разве это было мыслимо?

Внучка была почти в сарафане, с коротким рукавом и все такое. Говорит:

— Бабушка, ты сама посмотри, рукав у тебя не длинный, все-таки до локтя, чулок на ногах нет, ты в тапочках.

То есть одежда резко изменилась, в том числе в горных селениях. Хотя в Дагестане все-таки в селениях очень долго соблюдалось ношение, особенно женщинами, традиционной одежды. Городские, приезжая

в села, придерживались традиций — надевали длинные платья, с длинными рукавами и т. д. Но по другим селениям — резко, абсолютно, уже в 60-е годы резко изменилось все.

В последние годы гораздо большее число людей хорошо знало русский язык. Намного больше. Уже старшее поколение составляли родившиеся при советской власти, окончившие русские школы. В большинстве все шли в русские школы. В Адыгее директор школы мне объяснил, что прежде чем начать учебный год, родители подают заявление, где должны написать, на каком языке они хотят, чтобы учились их дети. И 90 процентов писали — на русском.

Об остальном давай поговорим в следующий раз.

Проведение интервью,
подготовка к печати,
вступление, комментарии
Ю.Д. Анчабадзе

РАЗДЕЛ ВТОРОЙ

ИССЛЕДОВАНИЯ
И МАТЕРИАЛЫ

Сад цивилизаций¹

Вопрос о различении, предпочтении, противопоставлении друг другу формационного и цивилизационного подходов к изучению исторической реальности начал актуализироваться в отечественной науке относительно недавно, лет сорок тому назад, может, чуть больше. До этого в советской науке преобладал формационный подход. Но оба эти подхода существуют столь же давно, как сама историческая наука или вообще как понятие истории. Одним из первых представителей цивилизационного подхода, вернее, человеком, который ранее других стал говорить о разных цивилизациях и различиях между ними, был Платон, а формационный подход в своей научно-дидактической поэме «О природе вещей» сформировал достаточно четко Лукреций Кар. Во все столетия после них разные ученые, эксплицитно или имплицитно, прибегали к тому или иному подходу, но надо сказать, что для настоящих ученых никогда не существовало исключительности в выборе подхода, потому что всегда настоящим историкам было ясно, что то и другое — и цивилизационный и формационный подходы — имеют смысл только, когда они дополняют друг друга, или же, в зависимости от познавательной задачи исследования, какой-то более сильный упор может делаться на один из них, но ни в коем случае не за счет игнорирования другого.

По-разному, в зависимости от поставленной познавательной задачи, соотносятся такие категории, как формации и цивилизации. Китайская цивилизация, дальневосточная цивилизация, или, шире говоря, цивилизация Восточной Азии, которая первично началась с зарождения

¹ Статья основана на докладе, с которым С. А. Арутюнов выступил 3 июля 2012 года на юбилейном заседании Ученого совета Института этнологии и антропологии РАН, посвященном 80-летию автора.

древнекитайской цивилизации, существует как минимум уже более 4 тыс. лет. За это время она прошла сквозь разные формации, конечно, если можно говорить о формациях на фоне превалирования азиатского способа производства, но тем не менее несомненно, что формационные изменения в истории китайской цивилизации были. Несмотря на это, она всегда оставалась именно и прежде всего китайской цивилизацией, она ею и остается сейчас. Сегодня она базируется в сущности на тех же иероглифах, на которых базировалась в шан-иньское время, то есть как минимум три с половиной тысячелетия тому назад. Основные даосские и конфуцианские принципы, которые были положены в ее основу, пусть и не в самом ее начале, но на одном из ранних и переломных этапов ее развития, в VI веке до н. э., полностью сохраняют свою актуальность и сегодня.

Римская античная цивилизация зародилась примерно в то же время, что и эти даосские и конфуцианские принципы, может быть, чуть раньше, в VIII веке до н. э., но, конечно, позже, чем дальневосточная цивилизация. В своих основных параметрах она просуществовала в рамках рабовладельческой формации, достаточно четко это можно сказать, до V века н. э., затем исчезла, ушла, погибла, прекратила свое существование — кому какой глагол нравится, тот глагол и поставьте. Кончилась формация — кончилась и цивилизация. Примерно в V веке н. э. началась новая формация, началось средневековье, основанное на других принципах социального устройства, и началась совершенно новая цивилизация, именуемая нами западноевропейской. Конечно, цивилизация варварских королевств в Европе многое заимствовала от Римской империи, была ее наследницей. Наследниками Римской цивилизации являемся в определенной мере и мы. Но все-таки в V веке н. э. эта цивилизация, эта целостность, эта довольно стройная система перестала существовать. Мы имеем дело с ее наследием, с ее пережитками, ее элементами, с какими-то ее культурно-идейными подачами, но не с самой этой цивилизацией.

В XIX–XX веках цивилизациями, их изучением, постижением, сравнением занималось довольно много людей. Я назову только трех. Первым, конечно, был наш соотечественник Николай Яковлевич Данилевский — который не употреблял слово *цивилизация*, он употреблял термин *исторический тип* — но он первый выделил то, что мы сегодня называем Евразией, или Северной Евразией, как особый исторический тип, противопоставив его западноевропейской цивилизации.

Те прогнозы, которые он дал о развитии этого типа — они, в общем-то, были справедливы, за исключением того, что, конечно, большевиков Николай Яковлевич предвидеть не мог. Он скончался как раз тогда, когда первые марксистские кружки стали появляться в российских университетах.

Я не выделяю специально О. Шпенглера, который, в общем, сказал примерно то же самое, что и Данилевский, только похуже, менее отчетливо, менее профессионально. Данилевский был естествоиспытателем по своему образованию, он был естественником, поэтому он и подходил к цивилизациям как к организмам. Конечно, он был и социолог тоже, но к социологии он шел, отталкиваясь от биологических наук, поэтому он и рассматривал цивилизацию — и правильно рассматривал — как организм, который вырастает из какого-то семени, развивается, проходит определенные этапы, начинает увядать, переходит в стадию упадка и уходит со сцены, уступая место более молодому, более полному сил организму.

Так что не только цивилизационный подход, но и уподобление цивилизации организму начинаются именно в это время, именно с Данилевского. Они продолжают дальше в работах многих других ученых, не обязательно социал-дарвинистов, хотя и их, конечно, тоже. Они продолжают — не в применении к цивилизации, но в применении к этносу — в работах С. Широкогорова, продолжают в работах Л. Гумилева. Но если работы Гумилева мы можем определенно охарактеризовать как биологизаторские работы, то в отношении Широкогорова — хотя его тоже нередко пытаются объявить биологизатором, это совершенно неправомерно, потому что Широкоговор говорил только то, что потом сказал М. Салинз, а вслед за Салинзом Э. С. Маркарян, а именно, что социальное, цивилизационное, культурное развитие не является само по себе биологическим, но выступает как изоморфное биологическому развитию, реализуясь в социокультурном аспекте человеческого бытия, а не в биологической человеческой природе. Человек уже довольно давно биологически принципиально не эволюционирует. Человек, естественно, с ходом веков как-то меняется и в своем физическом облике тоже. Но прогресс человека не связан с его биологической эволюцией. Прогресс общества нельзя, как это делает Гумилев, считать биологическим явлением. Это лишь аналогичное, структурно сходное с биологическим явление. Все это, повторяю, в общем-то, было уже у Данилевского, потом у Широкогорова (*Широкоговор 1923*).

Второй после Данилевского фигурой я бы назвал Тойнби, который в своем «Постижении истории» о цивилизациях сказал очень много ценного. В разных местах и в разных изданиях «Study of History» он называет разное суммарное число цивилизаций, его взгляды на этот вопрос варьировались, развивались, менялись. Но тем не менее, конечно, он выступает одним из важнейших авторитетов в изучении цивилизации.

И третье имя я назову, которое может вас удивить, а может быть, не очень — это тоже имя нашего соотечественника, и притом современника — это Михаил Анатольевич Членов. То, что он сказал в своих работах в журналах «Дiasпора» и «Этнографическое обозрение» об основных принципах и признаках цивилизации, конечно, не он открыл единолично, и в разных формах и в разное время это говорили и до него, но он впервые это сделал так четко, так эксплицитно, что это стало операционально (Членов 1999). До него это были некоторые намеки, догадки, но операциональными они не были.

Вот эти три имени я бы выделил особо среди множества других.

Если смотреть на комплекс цивилизаций как на сад, то ведь к саду тоже могут быть приложены как формационный, так и типологический подходы. Мы можем рассмотреть сходные этапы развития множества различных растений, в зависимости от сезонов года, как травянистых растений, так и древесных, растений из разных, не связанных между собой садов, но проходящих одинаковые этапы или фазы состояния сообразно календарно-сезонным фенологическим изменениям, такие, как зародышевое состояние, начало прорастания, цветение, расцвет, плодоношение, увядание и листопад. И к разным растениям можем эти фазовые определения прилагать. Эти этапы в равной мере проходят и у осины, и у ивы, и у ольхи и у березы, даже внешне зачастую они бывают очень похожи: цветущая осина больше похожа на цветущую березу, чем цветущая береза на опадающую березу в пору листопада и рассеяния семян.

Но тем не менее типологически мы можем разделить, независимо от стадии, которую данные деревья проходят, всех их на разные семейства, разные роды, и в одно семейство отнести, скажем, иву и осину (Salicaceae...), а ольху и березу — в другое (Betulaceae...), и различия между тем, как они проходят эти этапы, будут ощутимо велики.

Наше время — время всеобщей инфляции. Инфляции не только денег, но и наград, званий, титулов, и терминов, конечно, тоже. Вслед

за безграмотными журналистами уже самые образованные люди научились говорить *центр*. Нет, рука уже сама пишет *эпицентр*, хотя эпицентр и центр — это вещи существенно разные. Увеличение в полтора, два раза, скажем, продуктивности чего-либо описывают как увеличение на порядок или два порядка, тогда как на самом деле увеличение на два порядка — это увеличение в 100 раз. Потому что каждый порядок означает добавление нуля. Таков типичный пример инфляции терминов.

И цивилизация, точнее, термин *цивилизация* не избежал этой инфляции. И ныне цивилизацией часто называют то, что цивилизацией никоим образом не является. Выдающийся ученый Макинтайр, который написал недавно переведенную у нас «Историю Австралии» (*Макинтайр* 2011), говорит о 60 тыс. лет непрерывного развития уникальной австралийской цивилизации. Нет, скажем мы на это, нет и не было никогда никакой австралийской цивилизации, ни 60 тыс. лет назад, ни в течение последних 60 лет.

Существовала в действительности австралийская культура, или комплекс родственных австралийских культур. Да, этот комплекс действительно существовал на территории Австралии в течение примерно 60 тыс. лет. Но австралийские аборигены не создали своей цивилизации. Они живут сегодня в рамках англосаксонской или британской, а по своему происхождению, сущностно — западноевропейской цивилизации, которая в свою очередь является ответвлением от корня общеевропейской, христианской по своим основам цивилизации. И не только, скажем, великолепные пейзажи талантливого художника-аборигена Альберта Наматжиры, но и создаваемые для туристов рисунки крокодилов на коре, и прочее современное аборигенное искусство австралийцев существуют сейчас именно в рамках этой цивилизации, этого локального направления глобального европейского типа цивилизации. Культура австралийских аборигенов — в ее остаточных формах, отчасти — да, продолжает существовать, но сегодня они уже живут как цивилизованные люди в цивилизованном мире, и цивилизованы они по-европейски.

Упомяну еще Фернандеса Арместо — тоже очень крупного, известного ученого, который написал большую книгу «Цивилизации», там действительно описываются несколько реально существовавших и существующих цивилизаций, но заодно с ними описывается и цивилизация папуасов Центральных нагорий Новой Гвинеи. Нет, скажем мы, не существует цивилизации папуасов нагорий Новой Гвинеи.

А если она будет — это будет все та же англосаксонская вариация западноевропейской цивилизации, та же самая глобальная цивилизация. Культура — да, у этих папуасов есть своя, и даже очень интересная культура. Но нельзя цивилизацией называть любую культуру, нельзя цивилизацией называть и образ жизни. Впрочем, явную неразборчивость в употреблении терминов «цивилизация» и «культура» можно было наблюдать еще в первой половине XX века. Известный французский исследователь того времени Ж. Монтандон так и назвал одну из своих книг — «La civilisation ainou et les cultures arctiques», но нигде в этой книге не сказано, чем айнская культура категориально отличается от прочих субарктических или арктических культур, почему именно ее он называет цивилизацией.

Мои друзья, коллеги, сотрудники иногда употребляют термин *арктическая цивилизация*. Арктической цивилизации, скажем прямо, нет. Мне посчастливилось: я изучал вместе с М. А. Членовым и рядом с ним открытую им «Китовую аллею». Это действительно памятник роста цивилизации. На фоне временно сложившихся благоприятных условий — огромного прибавочного продукта за счет охоты на китов — вырос памятник, который действительно по размеру и объему сопоставим с ранними египетскими пирамидами. Построен этот памятник по сложному, заблаговременно продуманному плану и отражает, очевидно, достаточно сложную социальную организацию. Если бы киты продолжали в изобилии приходить к этим берегам, то, может быть, на берегах Берингова пролива и выросла бы своеобразная ранняя арктическая цивилизация, основанная на китобойном промысле. Но подул холодный ветер с Севера, начался «малый ледниковый период», и этот крохотный росточек еще не оформившейся цивилизации, маленький росточек, возможно, вероятностно имевший шанс когда-либо превратиться в цивилизационное дерево — замерз. И древнеберингоморское эскимосское общество вернулось в то же атомизированное, первобытное состояние, в котором оно было до появления этого специализированного китового промысла.

Не существует, приходится это признать, и так называемой «кочевой цивилизации». Кочевые империи создавали цивилизации, но они их не создавали из себя. Они создавали их из достояния покоренных оседлых, земледельческих народов.

Нет в реальности и какой-либо особой цивилизации Черной Африки. Меня, конечно, охотно распнут все сторонники негритюда. Я вполне

могу себе представить, что было бы, если бы африканские или афроамериканские наши коллеги находились бы в этом зале, какой бы поднялся разъяренный вопль. И тем не менее я решаюсь утверждать, что нет самостоятельной негритянской цивилизации, нет черно-африканской цивилизации. Государства в Африке южнее Сахары, действительно, были. Уганда, например, была бесспорно государством, Мали было бесспорно государством. От этих государств кое-где остались цивилизационного уровня памятники. И вот сейчас ЮНЕСКО поднимает шум, и не случайно, а совершенно правильно делает, после того, как вандалы «братья мусульмане» разрушают не чьи-нибудь, не христианские, не буддистские, а мусульманские памятники Тимбукту, памятники мирового значения. Просто эти вандалы так смотрят на ислам. Эти мусульманские памятники для них не являются мусульманскими. Это, несомненно, памятники цивилизации, прекрасные памятники цивилизации. Но это памятники исламской цивилизации, ее местного варианта, несомненно, местного африканского варианта, но африканского варианта именно исламской цивилизации. Тогда как в других частях Африки мы встречаемся с тоже своеобразными, но все-таки частными проявлениями африканского локального преобразования характерных черт общей западноевропейской цивилизации, либо южноевропейской католической, либо северноевропейской протестантской вариации западноевропейской христианской цивилизации.

Итак, что нужно, чтобы цивилизацию можно было назвать цивилизацией? Нужны дворцы, нужны храмы, нужны города, нужно ремесленное производство, нужно разделение ремесленного производства и сельскохозяйственного труда — много что нужно, чтобы цивилизацию можно было назвать цивилизацией. Но среди всего этого множества вещей есть три основные вещи — и в этом заслуга Членова, он показал те три основные вещи, которые являются базисными для любой цивилизации.

Это — прежде всего метаязык цивилизации, то есть тот язык, на котором не говорят и, может быть, даже никогда не говорили. Нигде и никогда, например, не говорили на санскрите, это искусственно кодифицированный язык, что, собственно, и отражено в его названии. Да я думаю, что и на классическом арабском вряд ли говорили на базарах Мекки и Ятриба. Но именно классический арабский стал метаязыком исламской цивилизации, так же как санскрит стал метаязыком индусской цивилизации. С классическим арабским это произошло 1400 лет

назад, с санскритом это произошло 2600–2700 лет назад. Они до сих пор продолжают служить в этом качестве, до сих пор терминология, фразеология, сама структура мышления, связанная (по Сэпиру–Уорфу и гипотезе лингвистической относительности, даже неразрывно связанная) со структурой языка, в странах исламской и индусской цивилизации продолжают и сегодня базироваться на них.

Для нашей цивилизации, для российской, северно-евразийской цивилизации таким метаязыком был ромейско-греческий, или византийско-греческий, отчасти и поздняя латынь, поскольку именно эти языки — это языки оригиналов наших евангелий, языки дигестов, притчевой и житийной литературы, и они были пропитаны если и не прямыми латинскими словоформами, то во всяком случае всем наследием латинской литературы, да и классической греческой тоже. Собственная восточно-славянская книжность и духовность вырастали именно на этом субстрате.

Затем появился церковнославянский язык, и уже в «Слове о полку Игореве» мы встречаем такие ныне привычные и обыденные русские слова, как *враг*, *храбрый* — но ведь это церковнославянские, южнославянские формы, это формы, которые пришли к нам через солунских братьев, через Кирилла и Мефодия. И тут же рядом в соседней строчке — *хоробрые* («...хороброе ольгово гнездо»), то есть чисто русское полнозвучие; *серебро-сребро*, *золото-злато* и т. д. То есть еще одним метаязыком, откуда обогащался русский язык, язык дальнейшей евразийской цивилизации, был южнославянский, церковнославянский язык.

Дальше было развитие высокого русского языка, важнейшая грань пролегает между языком XVIII века и XIX века, когда литературный язык XVIII века ушел в прошлое, и разговорный язык XVIII века стал литературным, а литературный язык XIX века, в свою очередь, появился в результате дальнейшей эволюции.

У цивилизации на протяжении ее исторического развития может быть, таким образом, не один, а несколько опорных метаязыков. Они не теряют своего значения, не уходят в небытие. Греческий язык для нас не ушел в небытие. Но греческий язык мы имеем в разных вариантах. В византийском варианте мы говорим *схима*, в латинском мы говорим *схема*, в византийском мы говорим *скиния*, в латинском мы говорим *сцена*, и вы понимаете, что это разные слова. И этапы, когда они появились — они тоже разные.

Так что этот вот метаязык, служащий опорой для светского операционального языка, он обязателен для цивилизации. Он может быть не один. Он может быть многоступенчатым, но какой-то метаязык для цивилизации совершенно необходим. Это явление не этническое, это явление надэтническое, это региональное явление, это сквозное явление данного сегмента ноосферы.

Далее следует рассмотреть различные тексты, документы, существующие на метаязыке или метаязыках данной цивилизации, которые составляют ее общий прототекст. Библия, то есть Ветхий и Новый Завет, в разных переводах, несомненно являются прототекстами нашей цивилизации. Но прототекстами нашей цивилизации является и житийная литература, и не только религиозная христианская литература, но и литература светского содержания, в том числе уже упоминавшийся бесценный памятник «Слово о полку Игореве». Он является прототекстом нашей цивилизации, базирующейся сегодня уже не на тогдашнем старорусском, а на классическом русском метаязыке. И в общем, в корпус этих прототекстов уже входит и творчество Толстого, Достоевского, Чехова, может быть, уже даже и творчество Булгакова и Высоцкого начинает входить в прототексты, но прежде всего, конечно, творчество Пушкина и Грибоедова. Великая пьеса последнего «Горе от ума» вся разобрана на афоризмы и пословицы, употребляемые даже теми, кто никогда не читал этой пьесы и не видел ее никогда. Конечно, все это тоже прототексты.

И наконец, эти прототексты создаются на основе иерографемы, то есть на комплексе письменных знаков, которым придается некое священное, сакральное значение. Сакральность графемы возрастает с запада на восток. Латинская буква «антиква» не особенно сакрализуется даже и в Италии, хотя и она иногда ненавязчиво сакрализуется тоже. А вот готическую букву немецкие почвенники в известной мере сакрализовали. Сакральное отношение американских студентов к своим братствам шифруется греческими буквами «А», «Г», «П», «Ф» и так далее. А уж когда мы переходим к иудейским текстам, арабским, исламским текстам, когда мы переходим к иероглифическим китайским и японским текстам, когда мы видим всю эту каллиграфическую вязь, видим центральные позиции, занимаемые разностильными каллиграфическими надписями на памятниках архитектуры, и то, как написание имени божества замещает образ божества, а девиз правления императора играет ту же роль на китайских монетах, что и чеканный профиль

монарха на монетах европейских, мы начинаем понимать некоторые странные на первый взгляд обычаи. Например, обычаи содержания генизы при синагоге, гласящие, что ни один исписанный клочок бумаги недопустимо, невозможно просто выбросить, а надо хранить его в принципе вечно. Да и в китайских храмах, и в японской религиозной традиционной культуре нельзя никакую бумажку, покрытую иероглифами, просто выбросить или пустить на подтирку. Ее нужно собрать и с почетом сжечь в определенной для этого ритуальной церемонии.

Когда я выступал в печати за всеобщий переход на латиницу, как на всеобщий абсолютный алфавит будущего, как за будущий несомненный единый алфавит всего человечества (я и сейчас за это выступаю), каких только собак на меня не вешали: как это и почему я посмел покуситься на святое. И хотя я считаю (и пусть не приписывают мне двойных стандартов мои противники), что не только кириллический русский алфавит, но и армянский алфавит Месропа Маштоца вовсе не отличается совершенством, а наоборот, очень несовершенен, очень неудобен и, конечно же, в сфере деловой переписки и СМИ должен быть заменен латиницей, тем не менее я не забываю добавить, что и тот, и другой, и все множество узконациональных, а еще чаще цивилизационно-локальных алфавитов мира являются подлежащими охране памятниками соответствующих цивилизаций, и скорее всего, будут сохраняться, по общему закону необходимой избыточности, параллельно с латиницей в каких-то сакральных, поэтических, декоративных целях. Несомненно, памятники нужно оберегать. Но жить в памятниках иногда бывает не очень удобно. Да и сегодня в Египте можно совсем недорого купить или заказать футболку или какую-нибудь посудину с именем заказчика, написанным древними иероглифами в их алфавитном прочтении. Думаю, что было бы снобизмом считать это профанацией египтянами своей древней истории, аналогично тиражированию бюста Нефертити. Везде, где есть товарное производство и торговля, любой культурный компонент может выступать и выступает и на витально-операциональном, и на высоком идейно-духовном, и на низовом рекламно-коммерческом уровне. Однако 99,9% моих соплеменников-армян наверняка проголосует за то, чтобы меня немедленно сжечь и кострище посыпать солью.

Единственной цивилизацией, которая не знала сакральной графемы и вообще не знала письменности, была цивилизация андская. Это цивилизация империи инков, Тауантинсуйю. Это была высоко разви-

тая цивилизация, вплоть до того, что она имела хорошо налаженную систему пенсионного обеспечения, тем не менее она обходилась без букв, без графем. Графемы инкам заменяли узелки «кипу» — разного размера, разной формы узелки на шнурках разного цвета. К сожалению, эти доколумбовые цивилизации — мезоамериканская и андская — были срублены конкистадорами так резко, так круто, что мы мало что о них знаем. Может быть, там и была какая-то жреческая тайнопись, но мы знаем только узелки, да и их прочесть уже не можем. Но это не уникальное андское явление. Мы все говорим «завяжи узелок на память», мы частенько завязываем этот узелок. Это примитивная стадия или же пережиточная форма некогда существовавшей мнемонической узелковой более сложной системы. А что касается древнекитайского чиновника, то до того, как появилась бумага, он писал на бамбуковых дощечках и не мог носить с собой блокнот, когда ревизовал какое-нибудь зернохранилище, потому что для перевозки этого блокнота ему понадобился бы ослик и тележка. Поэтому непременной принадлежностью форменной одежды древнекитайского чиновника была бахрома из шнурков, которая висела на поясе, и кривая спица, которой он завязывал и развязывал узелки на этих шнурках. Так он делал записи. А вернувшись в канцелярию, на своих бамбуковых дощечках он мог тушью все это записать и переписать, и уже эти записи хранились неопределенно долго.

Своего максимального развития, пышного развития сад цивилизаций достиг примерно к началу Великих географических открытий, то есть к XVI веку. Древнегреческая, месопотамская, эламская, хараппская (прото-индийская), мезоамериканская и андская цивилизации либо не дожили до этого времени, либо именно в это время были уничтожены. Про Египет я уже и не говорю — Египет фараонов, Египет эллинистических царей, христианский Египет, мусульманский Египет — это разные цивилизации, каждая из которых прорастала заново на поверженном и разлагающемся стволе предыдущей цивилизации. Целый ряд цивилизаций Средиземноморья оказался куда недолговечнее фараоновского или эллинистического Египта — минойская (или крито-микенская), этруская, пуническая и др.

Хараппа, древнеиндийская цивилизация — она упала, сгнила, развалилась как раз в тот момент, когда в Индию вошли племена ариев, которые создали индо-арийскую, или индускую цивилизацию, что-то взяв из остатков, из развалин хараппской. Индусская цивилизация

существует до сих пор и уходить никуда не собирается. О хараппской мы просто очень мало знаем.

Сад цивилизаций — это был пышный сад, в котором была обильная листва, который цвел прекрасными цветами. Под цветами я имею в виду окказионально-событийные художественные произведения, концерты, спектакли, выступления сказителей, тцецов и прочие цветы культуры, приносившие очень ценные плоды, которыми мы питаемся до сих пор в виде архитектурных сооружений, произведений живописи, литературных произведений.

С началом Великих географических открытий в этом саду стали происходить процессы глобализации, которые своего полного развития достигли только в наше время. Сегодня мы имеем огромный ствол так называемой иудео-христианской цивилизации, который, однако, делится на несколько граней, или стволов второго порядка: например, собственно иудейский — маленький, остаточный, но в Израиле он вполне жизнеспособен; в других местах, в диаспоре, конечно, он тоже заметен, но как очень тесно сопряжен с христианской цивилизацией.

Мощно выделяется христианская цивилизация в ее различных вариантах, которые можно представить как стволы, сучья, или ветви: западнохристианская цивилизация, в ней англосаксонские (британская и американская) ветви, у них есть свои этапы, свои вехи развития, важнейшая из которых обозначилась ровно 400 лет тому назад. Именно в прошлом году весь англосаксонский мир отмечал великую дату 1611 год — год публикации «Библии короля Якова» (King James Bible). Вот именно к King James Bible, к тексту этого перевода Библии, созданному по приказу короля Якова, в основном и восходит современная английская культура, современные английские пословицы, образы, метафоры, фразеология, вся книжность, литература. Хотя, конечно, и творчество Теккерея и Диккенса, и я осмелюсь утверждать, творчество Редьярда Киплинга и Льюиса Кэрролла в не меньшей степени является сегодня прототекстом английской цивилизации. А важным прототекстом американской цивилизации, между прочим и наряду с прочим, является книга Фрэнка Боума «Волшебник из страны Оз» (The Wizard of Oz), известная всем вам по «Волшебнику Изумрудного Города», такому ее довольно упрощенному пересказу.

Западноевропейская цивилизация (северный протестантский и южный католический варианты), восточноевропейская цивилизация — ее балканский, евразийский, новогреческий вариант, ее армян-

ский и грузинский варианты, которые превратились в весьма своеобразные, во многом обособленные цивилизационные ответвления, составляют в своей совокупности общий массив европейской цивилизации, который, несмотря на все политические и экономические перипетии, тяготеет ко все более глубокой взаимной интеграции.

Прототекстом грузинской цивилизации, наряду с христианскими памятниками, как евангельскими, так и житийными, явилась, конечно, в еще большей степени великая поэма Шота Руставели «Витязь в тигровой шкуре», язык которой, этот бесспорный метаязык данной цивилизационной ветви, уже очень близок к современному грузинскому языку, и литературному, и разговорному. И не случайно именно в эпоху его создания на смену церковному грузинскому шрифту «хуцури» пришел «мхедрули» — современный грузинский шрифт. А в Армении алфавит Месропа не изменялся, так как армянскими прототекстами долго служило армянское рукописное наследие, всецело созданное на метаязыке-грабаре, притом на несколько сот лет ранее поэмы Руставели. И язык грабар отличается от современного языка ашхарабара не меньше, чем поздняя латынь от современного итальянского литературного языка.

Буддийская цивилизация в одно время в Индии сильно потеснила и почти сменила брахманскую, индоарийскую цивилизацию, но потом имела место индуистская реконкиста, в Индии почти не осталось буддизма, но зато появился северный буддизм, иначе говоря, буддизм лам (Тибет, Монголия, Бурятия, Калмыкия), южный буддизм, он же буддизм тхеравады, или буддизм шафранных ряс, в Шри-Ланке, Бирме, Таиланде, Камбодже, восточный буддизм, или буддизм китайских переложений, который лишь частично лег в основы дальневосточной цивилизации (Китай, Вьетнам, Корея, Япония), потому что там наряду с ним еще большее значение имели даосизм и конфуцианство, как в своих высоких, этико-философских, так и в низменных, народных шаманско-заклинательских вариациях. В других местах и другие формы буддизма появлялись, просто нет времени подробно рассказать обо всех этих локальных, порой узколокальных цивилизационных вариантах.

Но вот мы и дошли до рубежа нашего времени.

Мы живем в глобальной, конsumerистской цивилизации. Я осмелюсь утверждать, что мы живем в той ее фазе, когда уже начинается ее агония. Или, как говорили мы, будучи школьниками и не понимая всей глубины этого клише, мы живем в начале того Конца, которым

кончается Начало — а именно начало или, может быть, первая треть цивилизованного этапа в эволюции человечества. Собственно говоря, агония идет вовсю, идет уже несколько десятков лет. Ужасы двух мировых войн, эксцессы фашизма, национал-социализма, так называемого «научного», или «ленинского» социализма и т. д. — это не что иное, как показатели начавшейся агонии. И вполне закономерно, что начавшийся процесс качественного умирания глобализованной цивилизации совпал с началом безудержного, патологического количественного роста численности человечества. Этот рост вполне подобен лавинообразному росту раковых клеток в пораженном метастазами некроболизма организме. Однако скоро, очень скоро этот рост должен смениться и кое-где, в особенности на постсоветском пространстве, уже сменяется процессами депопуляции, которая вскоре может принять столь же лавинообразный характер.

Трудно это не заметить. Но так как это очень не хочется замечать, то это не особенно и замечают. Хотя уже в первом сигнальном докладе Римского клуба все было поставлено на свои места, все было показано очень ярко («Пределы роста», Медоуз и др.).

Что происходит с нашим садом? Есть такое дерево — баньян (*Ficus bengalensis*). Это дерево способно из своих сучьев и ветвей опускать похожие на канаты висячие корни, которые, если дотянутся до земли, укореняются в земле и превращаются, одревесневая, в стволы. Если они в процессе отрастания встречаются другое дерево, они оплетают его, в конце концов, они его душат. Но и сами в свою очередь, став стволами, могут служить опорой для лиан, для эпифитов, орхидей, мхов, лишайников, грибов, для чего угодно. Получается такой гигантский суперорганизм. Я был в одном таком суперорганизме, бродил по нему. В Калькутском ботаническом саду имеется такое чудо природы — гигантский баньян, он занимает несколько гектаров. Это один цельный организм, который вырос из одного крохотного семечка, но он разветвился, разросся и занял площадь в несколько гектаров, и представляет собой ныне сплетенный в кронах единый, с единой кроной лес из сотен стволов.

Сегодня наша глобальная цивилизация вышла на уровень баньяна. Наш сад стал садом одного дерева — вот такого баньяна. Исламская цивилизация, японская цивилизация, индусская цивилизация продолжают существовать, но это уже не деревья. Это лианы, они потеряли свою древесину. Что такое древесина цивилизации? Это ее наука, ее технология.

Так вот, следует признать, что нет особой исламской науки, исламской технологии. Есть особая исламская ученость — исламская математика, исламская астрономия, но, конечно, на старой Птолемеевской геоцентрической основе. Она важна сегодня разве что для целей астрологии. Но астрономия как наука — это только современная, условно говоря, европейская астрономия. Для космической навигации птолемеевскую астрономию использовать нельзя.

Японская математика, между прочим, в XVIII веке не так уж сильно отставала от европейской. Она, в частности, вплотную подошла к созданию интегрального исчисления, притом методами, отличными от Ньютона и Лейбница. Сейчас примерно десяток ученых-историков в Японии, имеющих математическое образование, знают, что такое *wasap*. Это и есть японская математика, это слово — один из специальных терминов японской традиционной культуры. Решались сложные проблемы, доказывались очень сложные теоремы, это было в XVIII — начале XIX века. Но если Ньютон и Лейбниц опубликовали свои математические теории и уравнения, и они послужили в дальнейшем инструментом технологического, промышленного развития, то в Японии тогда еще не было промышленного развития (развитие было, но мануфактурное, без машин), а свитки с доказательствами этих сложнейших теорем приносились в храм и клались на алтарь Будды как доказательство своего духовного подвига, как жертвоприношение. Решивший теорему мог ознакомить парочку своих друзей с тем решением, которое он разработал, и они похвалили бы, какое изящное решение он предложил. А потом эти свитки сжигались, не сразу, но через несколько лет. Поэтому памятников *wasana* осталось очень мало.

Традиционная народная медицина в значительной мере сохраняется и по сей день. Сохраняется аюрведа индийской медицины, сохраняется тибетская и китайская медицина, основанная на метафизических принципах буддийской и даосской алхимии и космологии. Но все равно, даже врачи-аюрведики индийской медицины, самые опытные и умелые врачи, тем не менее стараются получить диплом европейских медицинских учреждений.

То есть лианы, даже лишившись своей древесины, продолжают существовать. Они цветут прекрасными цветами. Но чаще всего от этих цветов не завязываются плоды, а если и завязываются, то они без семян, а если с семенами, то эти семена не имеют всхожести. Продолжает расти и размножаться, и семенами, и отводками, и корнями, и чем угодно только

баньян общемировой цивилизации, который местами служит опорой лианам некогда бывших вполне полноценными деревьями цивилизаций, а ныне остаточным цивилизациям, лианам, существующим только благодаря опоре на ветви баньяна, лианам, лишившимся своей древесины. Вот что собой представляет наш сегодняшний сад цивилизаций.

И в заключение несколько слов о том, что он будет представлять собой лет этак через двести. Я так думаю, что мы сейчас живем, если сравнить с римской цивилизацией, примерно в эпоху Диоклетиана. Он кончил царствовать в 305 году н. э. И, конечно, в Риме Диоклетиана, в Риме, восторженно наблюдавшем, как запаршивевшие от плохой кормежки колизейские львы жадно кушают христианских младенцев, в этом Риме никто не задумывался, что всего через десяток лет, в 313 году, Константин издаст Миланский эдикт, дающий свободу христианского вероисповедания.

А еще менее чем через 170 лет на смену Риму Диоклетиана и даже Риму Ромула Августа придет Рим Одоакра. Рим кончится, Рим падет и наступит эпоха варварских королевств. Никто об этом не думал в 303–305 годах, а может быть, и думал, но помалкивал. «Современный кризис посылает сигналы своего приближения, предупреждая об опасности, но человек, увлеченный сиюминутным жизненным комфортом... не желает замечать этих сигналов» (Керженцев 2012. С. 423).

Я думаю, что пройдет лет сто пятьдесят — двести, и наша цивилизация упадет, потеряв свою древесину, поскольку ее древесина станет неактуальной, ненужной, нечем будет питать рост этой древесины, поскольку будут исчерпаны невозобновляемые ресурсы, прежде всего топливные ресурсы (они исчерпываются на наших глазах). Но это не будет означать гибели человечества. Разные сценарии возможны. Возможен апокалиптический сценарий, сценарий Армагеддона; но возможны и сценарии медленного, мирного, тихого снижения количества населения путем естественного и добровольного ограничения рождаемости, постепенно прогрессирующего ухода людей из мегалополисов, перехода людей к иному, экологически здоровому образу жизни, который внешне, наверное, будет похож на жизнь жителей поселков эпохи мезолита или энеолита, с хозяйством, близким к натуральному на уровне отдельных семей и преимущественно к автаркическому на уровне коммун, кантонов и полисов, но оно будет базироваться на совершенно иных технологиях — на нано-, био-, гено- технологиях, на таких, условно говоря, сращенных с человеческим организмом «суперкомпьютере-

рах», по сравнению с которыми наши ноутбуки будут выглядеть, как станок Гутенберга на фоне современного офисного оборудования.

Вначале было разнообразие. Травы примитивных, первобытных культур, еще не превратившиеся в мощные деревья цивилизаций, цвели своими скромными полевыми цветами, приносили свои небольшие ягоды. Потом некоторые из них стали перерастать в кустарники и деревья. Эти деревья стали цвести очень большими, пышными цветами, которые продолжали плодоносить, которые стали приносить большие, сочные, питательные яблоки, которые мы и сегодня частично продолжаем вкушать.

Сад будущего — сад упавшего и сгнившего баньяна — не будет ни разнотравьем, ни садом деревьев и кустарников. Он будет всего скорее чем-то вроде бахчи. Эти легшие на землю и полусгнившие стволы, эти упавшие на землю и укоренившиеся в ней лианы станут лозами, стелющимися на уровне земли, на уровне корней травы, проникающими множеством корневищ в глубину своей подпочвы. Это будет человечество гораздо менее многочисленное, чем сегодня. Я думаю, что это будет человечество без национальных государств, или же государства останутся только как условные платформы для заключения каких-то межкантональных соглашений или конвенций. Я думаю, что это будет содружество примерно 30 тыс. небольших кантонов или коммуногосударств, типа Сан-Марино или Андорры, с населением в среднем примерно по 30 тыс. чел. в каждом, то есть в целом не сегодняшние 7 млрд, не прогнозируемые 10 млрд, а несколько менее одного миллиарда человек, сколько и было во времена Мальтуса, в XVIII веке.

Но престижеобретение, которое когда-то шло через устройство пиров и потлачей, затем через сооружение пирамид и храмов, а в нашей дрябло дряхлеющей цивилизации сегодня осуществляется под одним-единственным девизом — «впарь лоху туфту, сруби бабла и сделай ноги», не перестанет служить организующей осью программирования человеческого поведения. Более того, оно по-прежнему будет осуществляться через потребление, но потребление не товаров, а информации, и будет измеряться объемом информации, который тот или иной человек или группа людей способны охватить, упорядочить и осмыслить.

Возможно, это будет состояние, которое уже нельзя будет назвать цивилизацией, ибо в нем более не будет ни метаязыка, ни прототекста. Но это будет огромный шаг вперед по сравнению с нашей глобализованной

цивилизацией, где сакральным языком стал язык рекламы, а прототекстом стали клише и слоганы коммерческого выживания. На бахче будущего, скорее всего, будут вызревать не яблоки, но и не клюква. Вместо них на концах этих лоз будут вырастать огромные плоды — то ли тыквы, то ли арбузы, полные где плотной, а где и рыхлой информационной мякоти, но изобилующие семенами будущего.

Литература

- Керженцев* 2012 — *Керженцев А. С.* Новое перспективное научное направление // Вестник РАН, 2012, май.
- Макинтайр* 2011 — *Макинтайр С.* Краткая история Австралии. М., 2011.
- Медоуз* 1991 — *Медоуз Д. Х., Медоуз Д. Л., Рэндерс Й., Беренс В.* Пределы роста. М.: МГУ, 1991.
- Членов* 1999 — *Членов М. А.* Еврейство в системе цивилизаций // Диаспоры. 1999. № 1.
- Широкогоров* 1923 — *Широкогоров С. М.* Этнос. Исследование основных принципов изменения этнических и этнографических явлений. Шанхай, 1923.